

Федор Бурмаков

Жил царь, у царя была дочь. Выходит царь на свой велик балкон, начал клик кликать: «Хто бы от меня сходил в Вавилон-город, хто бы достал мне-ка царскую порфи́ду и косты́ль? И я бы тому дал полжитья-полбытья и пол-именья своего, и дочь в замуж, а после своя долга́ живота на царство посадил». Идёт по городу какой-ле человек, пьяница, голь кабацкая, Фёдор Бурмакович. «Ах, ваше царско величество! Я бы сходил от вас в Вавилон-город, достал бы вам царску порфиду и костыль, да только я запилса в кабак три тысячи рублей, меня цюма́к не отпустит». Царь подумал, отсчитал три тысячи денёг. «Нате, слуги, снесите на царёв кабак». Снесли слуги и отдали Фёдору Бурмакову. Взял Фёдор Бурмаков эти деньги, с чумаком росчитался, а на царской дом нейдёт, на тысецю вперёд запилса. Царь ждал-пожда́л, а дождать не можот. «Потьте, слуги, зовите Фёдора Бурмакова, как он долго ко мне не являетця». Пришли слуги на царёв кабак. «Как же ты, Фёдор Бурмаков, долго не являишся». — «Господа министры! Я за старо расплатилса, и вновь за тысецю запилса. Надо мне две тысецы денег, пусть царь пошлёт». Приходят министры к царю, росказывают. Отсчитал царь две тысецы денег, послал с министрами. Фёдор Бурмаков деньги взял, тысецю за старо расплатилса, на петьсот рублей шесть робочих нанел, а петьсот рублей опеть пропили. Пришел на царской дом. «Здрастуй великой государь! Теперь среди мне-ка карапь, клади мне-ка хлеба, соли, вина на три года». Средил царь карапь, давал хлеба, соли и вина, давал ищэ часть пороху, и Фёдор Бурмаков отплыл в море и приказывает своим робочим бежать под глубни́к-ветер.

Бежат сколькё много времени, а земли не видают. Скучно стало бежать и говорят: «Што же, Фёдор Бурмаков, сколькё мы бежим, а земли не видно?» А он и говорит: «Давай, робята, выкатим боцьку, вам и будет веселе». Выкатили боцьку, выпили вина, вси стали веселы и говорят: «Давай, робята, он бежит и мы бежим тут же куда-ле, вместях». После того видят впереди они горы белы, как молоко политы; подошли они под эти горы, под этими горами берегу нету, вытти не́ как, ла́йды нет, а в море якорной воды нету, груб те́менна, шэймы не хватают. Стали ходить о эту землю о парусах, и нашли они вроде как ручеечик, у этого ручеечка есть носоцик, ла́йды — человеку двумя ногами стать. Пристали к этому носоцьку к берегу. Фёдор Бурмаков взял железны хра́пы и ручейкём этим вышел на гору, закрычал

товаришшу: «На, эти хрáпы возьми, за мной иди». Вышел другой на гору. С горы кричат: «Отойдите, рибята, от берегу и распустите паруса, стойте о парусах, штобы не в ту не в другу вас не несло».

Пошел Фёдор Бурмаков с товарищем на гору, увидели Вавилон-город. Приходят ко городу, обтянулса вокруг городу огненной змей, хвос-голова в воротах. Надо бы затти в город, а затти некак. Говорит Фёдор Бурмаков: «Змей роздвинся!» Змей роздвинулса, из гортани хвост выпустил, Фёдор Бурмаков в город прошол. Идёт в Божью церковь, пришол, помолился Господу Богу и матери Присвятой Божьей Богородице: «О, Господи! Я бы знаю, што взеть, а не знаю, откуль взять». Богородица гласом прогласила: «Фёдор Бурмаков! Ключи на престоле, а што тебе надь под престолом». Вошел Фёдор Бурмаков в олтарь, взял ключик с престола, согнулса и вытенул ящик; розомкнул, взял царску порфíду и костыль, ящик замкнул, ключик на престол положил, Богу помолился и вон пошел.

Идёт по улице вдоль по городу, из некакого дома вы́пихалась девка из окна, а голова песья: «Приворачивай ко мне на спúтьё». — «Хорошо, красна девушка, иду». — Зашол к ней. «Ну што, Фёдор Бурмаков, взял царску порфиду и костыль?» — «Взял». — «Ну садись со мной в пешки играть, ежели я тебя поиграю, с тебя царской костыль, мне отдашь; если ты меня поиграш — сто рублей за дура́к». Стали играть, она его обыграла и просит царску порфиду и костыль, он ей не дава́т, взял со стола столешничу, прижал ей ко стены и тут ей придал смерти, распíчкал.

И вышел вон на улицу со своим товарищем, приходил к городским воротам. «Змей роздвинся!» Змей не роздвигается. Фёдор Бурмаков перескочил через змеиной хвост, был человек могутной, а товарищ не мог, осталса и топере тут. Бежит бегом к синю морю, зня́лся на високу гору, снял с головы шапку, машот своим карабельшикам и кричит: «Приворачивай рибята к земле». Придружилися товарищи к земли и Фёдор Бурмаков пал с вы́шы на карап, больше итти не́ как. «Отойдите, рибята, скорее от земли, выносите бочёньки пороху, рассыпте и распашíte крылышком по всему караблю; паруса оберите, сами в судно все заходите». Паруса завертели, все в карап в испод зашли и заперлись. Прилетели птичи, кокти востры, носы железны и стали карап клевать. Фёдор Бурмаков скрыл двери, взял кремешок, да огниво, огниво о кремешок ю́кнул, искра вылетела, а порох схы́гнул и птичь всех огнём подняло, на карабли всё — снасти, якоря, паруса, всё на огни унесло. Остался карап как чурак, куды волной несёт, туды и несёт.

Долго ли плавал, коротко ли плавал, прибило его в некое место к земли. И вышли они на берег, и пошел Фёдор Бурмаков на гору и пошел по горы, и палса на тропинку, роздумалса: «Кака-жо это тропинка?» Пошел по этой тропинке и стретилса ему старик песья голова. «Здрастуй, Фёдор Бурмаков!» — «Здрастуй, старик песья голова». — «Ну, Фёдор Бурмаков, приворачивай ко мне на спутье». — «Хорошо, старик, песья голова». — Пришли в дом. «Зачем ты у меня дочь побил? Отдай мне царску порфиду и костыль». — «Што ты, старик, я сколько иду, не с собой нес. Остались на карабли». — «А ты сходи, этта недалёко, дам я тебе строку трои сутки, а молодцов у меня оставь под заклад». Вышел на крыльчо, посмотрел, у старика худая леснича, он взял да с этой лестничи комком на землю пал, да и заревел: «Ох ты мне, тошно, ногу вередил». Старик выскочил на уличу: «Што ты, Фёдор Бурмаков, кричишь?» — «Да вот, у тебя худая леснича, я пал да ногу вередил. Некак не могу в трои сутки сходить». — «Даваю четверы сутки, в четверы сходишь?» Стал Фёдор Бурмаков и пошел, вышел на тропинку и роздумалса: «Я што пойду на карал? У меня ведь всё с собой, я пойду вперёд». Пошел по тропинке вперёд.

Долго ли шол, коротко ли шол, вышел на поли на чисто, завидел дом пребольшающей, городом назвать — мал добре, теремом назвать — велик добре. Заходит в дом, стоят столы дубовы, на столах ествы сахарны; сел за стол и поел, росхожей еды побольше, хорошей поменьше; зашел в погнэту и спать лёг. «Хто-ле к этому дому, каки-ле люди будут». И слышит приехал к дому богатырь и запускат коня в конюшню, заходит в избу. Згленул на стол и говорит: «Хто-ле был у меня гость, да и очень вежлив: росхожей еды съел побольше, а хорошей поменьше. Хто таков есть человек, выходи?» Стал Фёдор Бурмаков с печи, подошел к нему поближе и поклонилса пониже. «Здрастуй, кривой Лука-богатырь, господин генерал!» — «Здрастуй, Фёдор Бурмаков! Зачем ко мне в дом зашел, когда хозяина нет?» — «Я не знал, што в доме хозяина нету, я хозяина дождалса». — «Ну, Фёдор Бурмаков, когда ты зашел ко мне, дак излечи у меня глаз». — «Ну давай, я твой глаз излечу, только ты затопи печку и дай мне-ка олова, и дай мне-ка винты, привинтит твои руки и ноги к полу, когда я твой глаз лечить буду, штобы ты не здрогнул». Дал ему всё, привинтил его к полу, затопил печку, розогрел олово, наднёс ко глазам. «Отвóрь оба глаза!» В доброй глаз ему олова налил, да и побежал вон на уличу. Кривой Лука соскочил, винты оторвал, побежал вон на уличу, а полнова свету не видит, заревел: «Быть кругом моего дома железной тын!» Фёдор Бурмаков привёлса в ограды, ему некуда деватся, а у Луки бегают в ограды козлѐнки. Он козла поймал, да убил, козла олупил, а голову не отрезал, кожу на себя накиннул, а голову на

голову, да стал на четыре кости, розбежалса, да Луку в жопу и ботнул. Тот схватил за рога, да за ограду и выкинул. Фёдор Бурмаков скрычал: «Прости, Лука-богатырь!» — «Ну, Фёдор Бурмаков, когда ты меня победил, то на тебе моя медная, светлая сабля». Бросил в чистое поле. — «Возьми». Фёдор Бурмаков приходит к этой сабле, роздумалса: «Што же, взеть мне эта сабля одной рукой, а взеть отведать мезинным перстóм?» Пёрстик приложил, пёрстик и прикипел. Ну и сидит, плачет, не знат, што и делать; вынул из кормана перочинной ножик и отрезал свой мезинной перст по суставу. Отошел в сторону и сидит в холмах. Прибежал кривой Лука, хватил эту саблю. «Счаслив ты, Фёдор Бурмаков, што ушел, ну да ладно, у меня есть там на дороги любима сестра».

Пошел Фёдор Бурмаков вперёд и увидел дом пребольшающей. Заходит в дом, стоят столы дубовы, ествы сахарны, питья медвянны; сел за стол, поел, росхой еды побольше, хорошей поменьше, зашел на печьку, лёк спать. И вдруг слышит приехал ко двору богатырь, коня обират, в дом запускат; зашел в избу, згленул на стол. «Хто был-же, да вежливой». Фёдор Бурмаков с печи слез, подошел поближе, поклонилса пониже: «Здрастуй, красная девица». — «Здрастуй, Фёдор Бурмаков, зачем зашел без хозяина». — «Поспутье, красна девица, я ведь не знал». — «Садись со мной пообедать». — «Хорошо, красная девича». Вышли из за стола. «Ну, Фёдор Бурмаков, ложись со мной спать на кровать». — «Хорошо, красная девица, лягу». Утром ставают. «Фёдор Бурмаков, садись со мной за стол, попить, поись». — «Хорошо, красная девича, сяду. Напились, наелись и вышли вон из застолья. «Ну, Фёдор Бурмаков, поедём мы с тобой в чистое полё». — «Хорошо, красна девича, еду». — «Я воюю со Львом-зверём тридцет лет, а не кой коегó победить не можом, ты пособи мне-ка Льва-зверя победить, я возьму тогда мужом». — «Ладно, красная девица, пошто не пособию? Пособлю». — «Мне от тебя немного и надо, только ты скажи: «Господи! пособи красной девице Льва-зверя победить, тогда я его трехnú». Вышла вон на улицу и выводила своя добра коня. Фёдора Бурмакова садила за себя в седло, и поехали они в чисто поле. Оставила его в скрытное место, под зеленой дуб, а сама уехала ко Льву-зверю воевать. Скочила с добра коня, и хватилися они рукопашкой. Бились, дрались, боролись трои суточки, розбродили матушку сыру землю, и не кой коегó победить не можот. Крычит красная девица: «Фёдор Бурмаков! Пособи мне Льва-зверя победить». За ею Лев-зверь заревел: «Фёдор Бурмаков! Пособи мне красну девицу победить, я тебе велико добро доспею». Фёдор Бурмаков стоит, прироздумалса: «Вот моя хлопотá, не знаю которому пособиать... я пособию девиче, она меня убьёт, пособию Льву-зверю — он меня съес. Однако же, пособи, Господи, Льву-зверю красну девичу

победить». Лев-зверь бросил девичу на сыру землю, да и розорвал ее надвое, и бежит к нему, рот открыл, зубы оскалил. Фёдор Бурмаков удрог и думает: «Ах, видно он и меня съес». Прибежал Лев-зверь и говорит: «Ну, што, Фёдор Бурмаков, тебе надобно, то я тебе и доспею?» — «Я теперь хожу, заблудилса, в своё цареву дорогу не знаю, ты-бы мне путь-дорожку указал». — «Садись на меня, держись крепче».

И побежал Лев-зверь по чистому полю, по темному лесу, где высоки горы, где грубы ручьи, всё чéрез катит; и выбежал на поле на чисто, остановилса: «Фёдор Бурмаков, знашь-ле, это како место?» — «Нет, не знаю». Опять побежали, по чистому полю, по тёмному лесу, выбежал под ихно цареву на зелены луга и остановилса: «Знашь-ле, это како место?» — «Это место, как будто, нашего царева зелены луга». — «То само и есь. Поди Фёдор Бурмаков в город и отнюдь не хвастай, што на Леве-звере ехал, а если похвастать, я тебя съем». Роспростилисе, пошел Лев-зверь в чисто поле, а Фёдор Бурмаков в город.

Пришел в царской дом и кладёт царску порфиду и костыль. «Вашо царско величество! Об чём у нас было слово говорено?» Весёлым пирком и скорой свадебкой, дочь в замуж отдаёт и пошел в церковь божью венчатця. Обвенчались, пришли к царю на почестен пир, и все тут на пиру стали пьяны-веселы, и все похваляютце. Фёдор Бурмаков сидит тоже веселёшинёк. «Што же вы, братцы, похвалéитисе, я ходил земли много, да што есь я домой на Льве-звере приехал». А Лев-зверь под окошко и прибежал, кричит: «Фёдор Бурмаков, выходи на улицу». Фёдор Бурмаков вышел на высок велик балкон. «Здрастуй, Фёдор Бурмаков!» — «Здрастуй, Лев-зверь». — «Зачем ты мной хвастал? Я топере тебя съем». — «Нет, Лев-зверь, я тобой не хвастал». — «Как не хвастал, ты сидишь на пиру и хвасташь, што на мне ехал». — «Нет, Лев-зверь, хвастал дак хмель мой, а я не хвастал». — «Как можот хмель хвастать?» — «Отведай-кося ты, Лев-зверь, напейся вина, да будёшь-ле ты в одном уме». — «Давай». Выкатили ему вина три боцьки сороковых. Лев-зверь боцьку выпил, другу выпил, да и из третьей надкушал и стал пьян, стал по улицы ходить, стал падать, ограды приломал и заспал. Спит трои сутки. Фёдор Бурмаков пошел в кузнечи, нанел кузнечей сковать руки и ноги в железа. Лев-зверь просыпаитце, а руки-ноги связаны. «Фёдор Бурмаков, ты зачем меня сковал?» — «Што ты, Лев-зверь, я у тебя близко не был». — «Да хто ино меня сковал?» — «Уж не знаю, сковал — нет, видно, дак тебя хмель твой». — «Ну, былнó меня хмель сковал, а не ты-де и хвастал — хмель твой». Росковал Лева-зверя, роспростилисе, убежал Лев-зверь, а Фёдор Бурмаков

стал жить да быть.

(Дитятев Алексей Иванович)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая
гг. СПб. 1908.